

Асмодей Денница

Как я стала
МЕССАЛИНОЙ,
или
Попаданка в пурпуре

Сыч&Сыр

18+

Асмодей Денница

**Как я стала Мессалиной,
или Попаданка в пурпуре**

«Автор»

2026

Денница А.

Как я стала Мессалиной, или Попаданка в пурпуре /
А. Денница — «Автор», 2026

Что делать московскому адвокату по наследственным спорам, если в пятницу, в 23:47, её кабинет озаряет киноварь, а древний папирус шепчет: «Ты уже выбрана. Ты придёшь в пурпур, когда я уйду»? Виктория Соколова, 32 года, IQ 156, не верит в мистику. Пока не падает на пол офиса — и не просыпается в Риме 48 года, в теле Валерии Мессалины, третьей жены императора Клавдия, самой скандальной женщины империи. Интриги, доносы, поддельные указы, оргии, гладиаторы, яды, сенатские схватки и любовь, которая страшнее смерти. Вика учится играть по правилам Древнего Рима: улыбка — оружие, печать — приговор, верность — роскошь. Она может спасти императора, переиграть Агриппину, остановить Нерона и изменить историю. Но сначала ей придётся решить, кем она хочет быть: императрицей в пурпуре или женщиной, которая переписала свою историю. Если вы любите попаданцев, дворцовые интриги, сильных героинь, неоднозначных злодеев, мраморные залы и запретную любовь на краю пропасти — эта книга для вас.

© Денница А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог: Змея с Палатина	5
Глава 1: Дело о наследстве	10
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Асмодей Денница

Как я стала Мессалиной, или Попаданка в пурпуре

Пролог: Змея с Палатина

Змея, что выползла из пурпура, не ведает, что яд её — не сила, а проклятие. Ибо нет большей клетки, чем золотая, и нет цепи тяжелее, чем та, что сплетена из чужих желаний.
— Из папирусов Луция Корнелия, найденных в Геркулануме

Москва, Зеленоград, бизнес-парк «Сколково-2».

Пятница, двадцать три сорок семь.

Офис юридической фирмы «Гранат, Левин и партнёры» на двадцать третьем этаже светился единственным окном — кабинетом Виктории Сергеевны Соколовой, кандидата юридических наук, специалиста по наследственным спорам и, по совместительству, самой невезучей женщины в радиусе МКАД.

— Ну почему? — спросила Вика у пустоты, откидываясь на спинку кресла. — Почему именно сегодня, именно сейчас, именно я?

Она посмотрела на экран ноутбука, засиженный белыми пятнами несохранных абзацев. Иск «Петров против Петровой о признании завещания недействительным». Четыре тома материалов. Двое детей, которых разделили как имущество. Собака, за которую дрались отдельно — породистый корги по кличке Лорд, оценённый независимым экспертом в сто двадцать тысяч рублей. Сумма иска — три миллиона долларов. Сумма гонорара — полмиллиона. Время — которое кончилось, потому что часы на стене показывали без десяти полночь, а завтра в девять утра заседание в Мосгорсуде.

Вика Соколова, тридцать два года, рост сто семьдесят два, вес в районе «не ваше дело», IQ сто пятьдесят шесть — сидела в полной тишине, слушая, как гудит кондиционер, и думала о том, что её личная жизнь — это тоже своего рода наследственный спор. Только без юриста. И без шансов.

Она вздохнула и потянулась к чашке с остывшим чаем. Рука задела стопку бумаг, и одна из них скользнула на пол — не белый лист, а тёмный, желтоватый, с неровными краями. Вика нахмурилась. Она не помнила, чтобы подшивала к делу что-то похожее на древний папирус.

— Это ещё что? — пробормотала она, нагибаясь.

Пальцы коснулись шероховатой поверхности. Странный лист — плотный, вощёный, с выжженными по краям рунами. Не греческими, не латинскими — какими-то совсем дикими знаками, похожими на змей, застывших в прыжке.

Вика подняла его и поднесла к настольной лампе.

На ощупь — кожа. Тонкая, выделанная, старая. Пахнет пылью, вином и чем-то сладковатым — миррой, определила она, потому что бабушка когда-то приносила из церкви ладан, и запах был смутно похож.

В центре листа — текст. Выведенный киноварью, неровными буквами, словно писал человек в спешке или в полумраке. Или в страхе.

Вика прищурилась.

«Если ты читаешь это — ты уже выбрана. Боги не ошибаются, хотя люди молятся не тем. Ты придёшь в пурпур, когда я уйду. Не пытайся сопротивляться. Рим не прощает колебаний. И помни: змея не меняет кожу дважды за одну ночь».

— Что за бред? — сказала Вика вслух.

Она перевернула лист. На обороте — та же киноварь, но другим почерком, каллиграфическим, почти печатным:

«Передано через Кассия Лонгина, римского легата, проконсула Азии, при содействии аптекаря Иоанна Хрисоверга, в лето 735 от основания Города. Сие — послание Валерии Мессалины той, что займёт её место. Или не займёт. Боги решат».

Вика моргнула.

— Мессалина? — переспросила она у кондиционера.

Кондиционер не ответил, но где-то внутри здания щёлкнул рубильник, и свет на секунду погас. Монитор ноутбука моргнул, перезагружаясь. В темноте лист в руках Вики полыхнул киноварью — буквы вспыхнули алым, словно кто-то раздул угли под пеплом.

— Спокойно, — сказала она себе. — Ты просто устала. Ты работаешь двадцать часов в сутки. Ты не спала двое суток. Тебе кажется.

Она хотела отложить лист, но пальцы не разжались. Киноварь потеплела, стала пульсировать в такт сердцу. Вика почувствовала, как по руке побежало тепло — не приятное, нет, скорее тревожное, как если бы под кожу заползла горячая змея.

— Чёрт, — сказала она.

В носу защипало от запаха мирры — теперь уже не сладкого, а густого, удушливого, смешанного с винными парами и чем-то ещё — металлическим, острым. Кровь, поняла Вика. Так пахнет кровь. Она помнила этот запах с детства, когда разбила коленку об асфальт и рана не заживала неделю.

Тепло стремительно поднялось к плечу, перекинулось на грудь, сжало горло.

Вика попыталась отбросить лист — но руки не слушались. Она попробовала встать — ноги подкосились. Кресло откатилось назад, и она рухнула на пол, ударившись затылком о подставку для ног.

В глазах поплыли огненные змеи.

В ушах — голос. Женский, низкий, с хрипотцой, на странном языке, который Вика вдруг поняла — не словами, а ощущениями, как понимают музыку или крик:

— Пришла. Наконец. Я думала, ты не успеешь. Они уже идут. Нарцисс продал меня. Слышишь? Они топают по мрамору, эти верные псы — верные тому, кто платит больше. У тебя мало времени. Слушай меня, девочка из будущего. Слушай и запоминай, потому что я не могу повторить...

Вика хотела закричать, но голосовые связки не слушались. Она видела — странным двойным зрением — одновременно и потолок своего кабинета с люминесцентными лампами, и небо. Чужое небо. Чёрное, усеянное крупными звёздами, пахнущее морем и тлением.

— Ты получила мою кожу, — продолжал голос. — Я писала на ней кровью, потому что пергамент кончился, а уйти нужно было быстро. Дурацкая привычка — оставлять записки. Но кто-то же должен был объяснить тебе, во что ты вляпалась. Короче: я умираю. Точнее, я уже умерла. Меня убили. В этом теле — всё, что осталось от Валерии Мессалины, третьей жены императора Тиберия Клавдия Цезаря Августа Германика, матери Британника и Клавдии Октавии, хозяйки Рима и главной шлюхи Палатинского дворца. А теперь — труп. Но не совсем трупа, потому что вместо меня теперь будешь ты.

— Я не хочу, — выдохнула Вика. Или ей показалось, что выдохнула.

— Твои хотелки никого не волнуют, дорогуша. Боги выбрали тебя. Думаешь, я хотела быть императрицей? Я хотела быть танцовщицей в цирке, честное слово. Но судьба — она как центурион: не принимает возражений. Так что слушай сюда.

Тепло в груди превратилось в огонь. Вика забилась в конвульсиях, но голос не умолкал:

— Во-первых: сейчас сорок восьмой год от Рождества Христова, то есть восемьсот первый от основания Рима, если тебе так понятнее. Клавдий — мой муж — в Остии, приносит

жертвы. Гая Силия — моего любовника — уже взяли. Вопрос времени, когда ему отрубят голову. Красивый был мужчина, боги, какой красивый... Но это неважно. Во-вторых: во дворец уже ворвались люди Нарцисса. Они убьют меня. То есть тебя. То есть нас. Но у тебя есть шанс, если ты успеешь сделать три вещи.

— Я адвокат, а не спецгент! — крикнула Вика мысленно.

— Тем лучше. Первое: найди в спальне, под третьей плитой у ложа, мой дневник. Там всё — кто кому должен, кто кого трахал, кто кого заказал. Второе: не верь Агриппине. Эта сука прикидывается подругой, но она хочет трон для своего ублюдка Нерона. Третье... третье — самое важное.

Голос замялся. Впервые в нём проскользнула не сталь, а боль.

— Третье: не влюбляйся в Гая Силия. Он того стоит — клянусь Юноной, он стоит каждой ночи без сна, каждой капли пота, каждой секунды блаженства. Но он — смертный приговор. Я это поняла слишком поздно. Ты — умная. Ты — из будущего. Ты поймёшь вовремя.

— Я даже не знаю, где я! — в отчаянии подумала Вика.

— Скоро узнаешь. Потерпи. Переход — штука болезненная. Как первый раз, знаешь? Но потом — привыкаешь. И ещё: прости меня за то, что я втянула тебя в это дерьмо. Я не специально. Просто... я очень не хотела умирать. А они сказали, что есть способ. Древний, забытый, грязный. Обмен душами. Я отдала им своё родовое кольцо — сапфир, который помнит ещё Августа. И они сказали: напиши на коже то, что я написала. Призови ту, что придёт. И она придёт.

— Кто — «они»? — спросила Вика.

Но голос уже таял, уходя, как вода в песок.

— Они — это... слушай, у меня нет времени объяснять. Просто знай: в Риме есть те, кто видит сквозь время. Они старше, чем сам Рим. Они живут в тени, под Форумом, в старых этрусских гробницах. Они умеют то, что нам, смертным, не положено. Я заплатила им кольцом. Ты заплатишь своей жизнью, если не будешь осторожна. Но шанс есть. Всегда есть шанс. Даже когда меч уже занесён. Особенно когда меч уже занесён.

Последние слова прозвучали шёпотом — тёплым, почти нежным.

— Прощай, девочка. Надеюсь, ты справишься лучше, чем я. И да: не забудь съесть что-нибудь, когда очнёшься. Римская кухня — отстой, одни тухлые гарумы. Я бы убила за хороший чизбургер...

Смех — горький, каркающий — и тишина.

Огонь, полыхавший внутри, угас.

Вика открыла глаза.

Она больше не лежала на полу своего кабинета. Вместо белого акрилового потолка над ней нависал мраморный свод, покрытый фресками — обнажённые нимфы убегали от сатиров, виноградные лозы обвивали колонны, а наверху, в разрыве облаков, восседал Юпитер с молнией в деснице.

Вместо ковролина «под паркет» под спиной — мозаика. Тёплая, чуть влажная от ночной росы. Вместо запаха офисной пыли и растворимого кофе — густой аромат ладана, кипариса, моря и... да, определённо, она не ошиблась — тухлого рыбного соуса.

— Гарум, — прошептала Вика. — О господи, это гарум.

Она села. Резко, рывком, словно вынырнула из воды.

Тело было не её. Она поняла это сразу — по тяжести в груди, по непривычному изгибу позвоночника, по тому, как по-другому дышали лёгкие. Она поднесла руки к лицу — тонкие, белые, с длинными пальцами, унизированными перстнями. На безымянном — массивный золотой змей с изумрудными глазами. На указательном — камея с профилем женщины в диадеме.

Она опустила взгляд. На ней — столы, длинное платье из тончайшего шёлка, почти прозрачного. Грудь — открыта, перехвачена золотой лентой под самой грудью. Кожа — бледная, с

розоватым отливом под светом факелов. На запястьях — браслеты, широкие, тяжёлые, чеканные.

Вика обернулась.

Она сидела на мраморном ложе, застеленном пурпурным покрывалом. Над головой — балдахин с кистями. Справа — столик на львиных лапах, уставленный серебряными кубками и блюдами с объедками — оливковые косточки, корки хлеба, засохшие фиги. Слева — большое овальное зеркало в бронзовой оправе, обращённое к ней.

Вика встала — тело слушалось плохо, ноги подкашивались, словно она долго лежала в лихорадке — и подошла к зеркалу.

Из серебристой глубины на неё смотрела незнакомка.

Волосы — чёрные как смоль, струящиеся до пояса, перехваченные золотой сеткой с жемчужинами. Глаза — большие, тёмные, чуть раскосые, с поволокой. Губы — полные, яркие, словно только что целованные. Скулы — высокие, острые. Нос — с горбинкой, породистый.

Лицо было прекрасным. Опасным. Тем лицом, из-за которого начинают войны и пишут поэмы.

Но это лицо не принадлежало ей.

— Чёрт, — сказала Вика.

Из зеркала на неё смотрела Валерия Мессалина.

Точнее — смотрела Вика Соколова глазами Валерии Мессалины. Или Валерия Мессалина смотрела её глазами? Переход был таким плавным, что граница стёрлась.

Она подняла руку — тонкая ладонь с голубыми венами коснулась щеки. Кожа была гладкой, молодой, упругой — двадцать три года, не больше. Мессалина умерла в двадцать пять. Значит, Вика получила тело за пару лет до рокового исхода. Несколько лет форы. Если верить историческим хроникам — хотя кому сейчас верить? — у неё было около двух лет до того, как Нарцисс перережет нить.

— Два года, — сказала Вика вслух. Голос был низким, с хрипотцой. Чужим. — У меня два года, чтобы не умереть.

Она снова посмотрела в зеркало.

Из глубины комнаты, отражаясь в полированной меди, приближался силуэт — мужской, тяжёлый, вооружённый.

Вика замерла.

Мужчина остановился в трёх шагах. Он был в доспехах — кожаный мускульный панцирь, бронзовые наголенники, шлем под мышкой. Лицо — грубое, с квадратной челюстью, шрамом через бровь и глазами, которые смотрели не на неё, а сквозь неё. Как смотрят на вещь.

— Госпожа, — сказал он на латыни — и Вика поняла каждое слово, словно знала этот язык всю жизнь. — Император возвращается из Остии. Нарцисс приказал передать: вы должны быть готовы к встрече.

Вика сглотнула.

— Я готова, — ответила она тем же низким голосом.

Стражник не ушёл. Он стоял и смотрел — теперь на неё, на её тело, просвечивающее сквозь шёлк, на обнажённые плечи, на изгиб талии.

— Ты что-то хотел ещё, преторианец? — спросила Вика, вкладывая в голос всё презрение, какое смогла собрать. В голове стучало: «Господи, господи, я в Риме, я в теле римской императрицы, передо мной римский солдат, и он пялится на мои сиськи».

Стражник дёрнул щекой. У него был пористый нос человека, который всю жизнь пил дешёвое вино, и глаза торговца на рынке рабов: оценивающие, спокойные, привыкшие считать чужое тело в сестерциях.

— Император, — повторил он, словно она не расслышала, — возвращается из Остии до рассвета. Нарцисс приказал передать: вы должны быть готовы. Он сказал — «готова» — и ухмыльнулся, как собака, которая нашла добычу и ждёт, кому её отдать.

Вика медленно поднялась с ложа. Она сделала это не спеша, как учила её когда-то — нет, не её, а то тело, чью память она теперь носила, — как делает женщина, которая знает цену каждой секунде, каждому дюйму своего тела. Шёлк скользнул вдоль бёдер. Она подошла к стражнику вплотную, взяла его за подбородок двумя пальцами — тонкими, с голубыми венами — и заставила посмотреть себе в глаза.

— Передай Нарциссу, — сказала она тихо, почти ласково, — что если он ещё раз пошлёт ко мне солдата смотреть на меня, как на лошадь на торгах, я прикажу выжечь ему глаза раскалённой палочкой. Императрице Рима не нужно разрешение вольноотпущенника, чтобы смотреть на кого-то свысока. Умри он — и я всё равно останусь. Умру я — и он не проживёт и дня. Так что мы квиты. Мы, кажется, поняли друг друга, преторианец?

Стражник побледнел. Он сглотнул — кадык дёрнулся — и отступил на шаг.

— Да, госпожа.

— Тогда иди.

Он вышел, пятясь. Шаги затихли в коридоре, но Вика ещё долго стояла посреди комнаты, стараясь не дышать слишком громко, потому что сердце колотилось, как молот о наковальню.

«Вика, — сказала она себе. — Ты только что угрожала выжечь глаза человеку. Ты. Которая плачет над бездомными котами и не может придавить таракана тапком. Что с тобой происходит?»

Но она знала, что с ней происходит. Это было не её тело, не её голос, не её рефлексy. Это было тело женщины, которая правила Римом железной рукой в бархатной перчатке — и умела делать страшные вещи мимоходом, не повышая голоса. Вика лишь одолжила это тело. Но, как любой хороший адвокат, быстро научилась использовать чужие активы по назначению.

Стражник вернулся на пороге — Вика вздрогнула, но виду не подала.

— Госпожа... — Он мялся, переступая с ноги на ногу. — Нарцисс велел также сказать: Гая Силия казнят на рассвете. Если госпожа желает проститься...

Вика почувствовала, как внутри — глубоко, в чужих мышцах, в чужой памяти — что-то оборвалось. Боль, не её, но ослепительно реальная. Она не знала Гая Силия. Никогда его не видела. Но тело, в котором она застряла, помнило его — каждое прикосновение, каждое слово, каждое дыхание.

— Нет, — сказала Вика. — Я не желаю проститься.

Стражник кивнул и вышел. Шаги затихли в коридоре.

Вика осталась одна.

Она опустилась на ложе, взяла в руки серебряное зеркало и долго смотрела на отражение. Чёрные волосы, тёмные глаза, губы, к которым уже прикасалась смерть — и, возможно, прикоснётся снова.

— Ну что ж, — сказала она вслух на латыни, и слова давались ей так же легко, как родные русские. — Давайте знакомиться. Я Виктория Сергеевна Соколова, адвокат. И, судя по всему, теперь ещё и императрица Рима. Коллеги, готовьте платок — дело обещает быть громким.

Она усмехнулась — некрасиво, криво, как привыкла в зале суда, — и отложила зеркало.

Где-то в глубине дворца завывала собака. Или волчица. Или сама судьба, принявшая обличье римской гончей.

Вика легла на пурпурное покрывало, закрыла глаза и попыталась вспомнить всё, что знала о Мессалине из книг, — и понять, какого чёрта ей теперь делать.

За окнами, на тёмных улицах Вечного города, бряцало оружие. Приближался рассвет. А с ним — первая кровь.

Глава 1: Дело о наследстве

Закон есть паутина: муха запутается, шершень прорвёт. Но в Риме паутину плетут не пауки, а вдовы — и нити их тянутся через столетия, к тем, кто ещё не рождён.

— *Приписывается Квинтилиану, «Наставления оратору», кн. XII (апокриф)*

Палатинский дворец не спал.

Вика поняла это, едва открыла глаза, — по звукам, которые никогда не услышишь в современной Москве. Где-то под окнами брэнчала сбруя, кричал погонщик мулов, перекликались стражники; над головой, ровно и мерно, гудел мраморный свод, проветриваемый горячим воздухом из гипокауста; а снаружи, сквозь узкое окно, тянуло утренней прохладой, смешанной с запахом лошадей, жареного хлеба и — неизбежно — гарума.

Вика лежала на пурпурном покрывале и смотрела в потолок, расписанный нимфами и сатирами, и пыталась вспомнить, кто она такая.

— Виктория Сергеевна Соколова, — прошептала она одними губами. — Адвокат. Кандидат юридических наук. Тридцать два года. Живу в Москве, на Профсоюзной. — Пауза. — Но это было вчера.

Сегодня она была Валерией Мессалиной, императрицей Рима, женой Клавдия — и, судя по тому, как ныло всё тело, только что пережившей очень странную ночь.

Она села на ложе. В комнате было светло — утро уже перевалило за половину. Две рабыни, застывшие у стены, ожили, увидев, что госпожа проснулась: одна поднесла серебряный кубок с водой, другая — таз и полотенца. Вика машинально приняла кубок, сделала глоток. Вода была тёплой и отдавала глиной. Она поморщилась.

— Принесите холодной, — сказала она на латыни и сама удивилась, как легко слова сошли с языка. — И... что сегодня?

Рабыни переглянулись. Первая, постарше, с сединой в волосах, ответила осторожно:

— Госпожа, сегодня шестой день до октябрьских календ. Император вернулся из Остии вчера к ночи. Он изволил спросить о вас.

Вика внутренне собралась. Клавдий. Император. Её муж. Мужчина, который — если верить историям — подписал брачный договор собственной жены с любовником, приняв это за шутку. Мужчина, который забыл, что жена умерла, и наутро спросил, почему она не приходит.

Она вспомнила его — не лицом к лицу, а по тому, что осталось от прошлой ночи, как отпечаток на коже. Она не помнила всех подробностей — помнила только тяжесть его тела, тепло его дыхания у шеи, его руки, большие, неуклюжие, которые в темноте становились почти нежными. Помнила, как он вошёл без стука, ещё в дорожной тунике, пахнущий лошадьми и вином, и как его лицо — простая, добродушная физиономия человека, которого сама судьба сделала императором, — осветилось при виде неё.

«Валерия, — сказал он ей тогда. — Я так соскучился. Остия — такая долгая дорога. Позволь мне...»

Он не договорил — он так и не мог договорить до конца, потому что задыхался от волнения и от вина, — но она всё поняла. Она поднялась ему навстречу, потому что не знала, какой надо быть: Мессалина, скандальная и жадная, или Вика, адвокат, которая никогда никого не выпускала так близко, чтобы не показать шрамов.

А потом он оказался рядом, у её постели, — и его ладони, мозолистые от перьев и от тяжёлых свитков, легли ей на плечи, а губы прижались к её шее, и Вика, к своему собственному удивлению, не отстранилась.

Во всём этом было что-то странно трогательное. Он был неуклюж, тороплив, почти неловок — и при этом нежен, как человек, который три недели в дороге мечтал об одном. Он цело-

вал её жадно и неумело, и она, закрыв глаза, позволила себе подумать, что и в этом чужом браке, в этой чужой жизни, есть — может быть — капля тепла, которую можно украсть, ничего не разрушая.

— Ну что ты, — услышала она свой собственный шёпот, когда он замер, боясь спугнуть её. — Ты же дома. Я дома.

— Ты — моё счастье, — выдохнул он, уткнувшись носом ей в висок, как делают дети, когда хотят доверить самую большую тайну. — Ты не представляешь, Валерия, какое ты счастье.

Она не знала, что ответить. Она просто обняла его, прижала к себе — этого смешного, доброго, слабого человека, который был её мужем по чужой судьбе, — и почувствовала, как его дыхание становится спокойнее, как тело расслабляется у неё на руках, как он засыпает, как ребёнок, убаюканный теплом и покоем.

Он не требовал страсти. Он не требовал искусства. Он просил только этого — маленького тепла, чувства, что дома его любят. И Вика, которая всю ночь не могла уснуть, глядя в расписной потолок, водила пальцами по его взъерошенным волосам и думала.

«Так вот ты какой, мой муж, — думала она. — Такую меня ты любишь. А я — кто тебе? Чужая женщина в теле твоей жены, юрист из другого века, которой просто стало жаль тебя. Прости меня, Клавдий. Но тепла, которое я тебе даю, — я даю его от себя. От Вики, которая никогда никого не впускала так близко».

Она поцеловала его в макушку и, наконец, закрыла глаза.

Утром он ушёл раньше неё — ушёл на заседание, к своим свиткам, к своим вольноотпущенникам, — и оставил ей на подушке маленький золотой браслет, снятый с собственного запястья. Подарок. Знак. Неловкая попытка сказать «спасибо за эту ночь».

Вика подержала браслет в ладони, взвесила его на пальцах и надела на запястье.

— Станный муж, — сказала она вслух пустой комнате. — Станный брак. Странная жизнь. Но, кажется, я могу в ней жить. Если постараться.

— Император, — повторила она. — Да. Мне нужно к императору.

Рабыни помогли ей одеться. Процесс был долгим и, с точки зрения Вики, варварски запутанным: сначала тонкая туника, потом стола с поясом, потом палла, которую драпировали вокруг плеч с точностью, достойной скульптора. Всё это — шёлк, лён, золотые нити, жемчуг. Вика смотрела на свои руки — белые, холёные, с яркими перстнями — и не могла поверить, что эти руки ещё вчера сжимали папку с делом «Петров против Петровой».

«А если я просто сплю? — подумала она. — Если это сон — самый дурацкий сон в моей жизни — и я сейчас проснусь в своём кабинете с затекшей шеей и недопитой чашкой чая?»

Она ущипнула себя за предплечье. Больно. Но во сне тоже бывает больно, напомнила она себе.

— Госпожа, — сказала старшая рабыня, — позвольте доложить. К вам с утра просится управляющий по имени Эпафродит. Он говорит, что дело неотложное — «о наследстве», так он сказал.

Вика замерла. Наследство. Её специальность. Сердце пропустило удар.

— Впусти.

Эпафродит оказался сухопарым греком лет шестидесяти, с лицом, изъеденным оспой, и глазами, которые смотрели на мир с выражением человека, который давно перестал удивляться. Он вошёл, низко поклонился и без лишних слов выложил перед Викой вощёную табличку.

— Госпожа, — сказал он, — у нас беда. Авл Секстий, богатейший всадник из Кампании, умер третьего дня, не оставив завещания. Вернее, оставил — но его оспаривают.

Вика взяла табличку. Пальцы сами нашли нужное место, глаза сами пробежали текст — латинская скоропись давалась ей, как родная, словно кто-то вложил ей в голову целый словарь вместе с душой.

— Наследники по закону, — прочитала она вслух, — вдова и двое сыновей. Завещание, составленное за день до смерти, передаёт всё... — она подняла глаза, — ...цирковой танцовщице Вибии Пассе. Это так?

— Так, госпожа.

— И кто оспаривает?

— Вдова. Она утверждает, что Авл Секстий был не в своём уме — что его опоили зельем, и что завещание — подделка.

Вика откинулась на спинку кресла. Чужие пальцы — длинные, униженные кольцами — барабанили по столу. Внутри неё боролись два существа: юрист Вика, который уже видел три типовые схемы подделки завещаний, и императрица Мессалина, которая видела совсем другое.

— Эпафродит, — сказала она медленно. — Зачем это дело принесли мне? У императрицы Рима есть сотни других занятий, кроме разбора имущественных споров всадников.

Грек поджал губы.

— Госпожа, потому что вчера, перед самой смертью, Авл Секстий послал к вам гонца. Он хотел говорить с вами лично. Гонец прибыл — но Авл уже умер. А сегодня утром гонца нашли в Тибре. С перерезанным горлом.

Тишина повисла в комнате. Даже рабыни у стены перестали дышать.

Вика медленно положила табличку на стол.

— Значит, — сказала она, — это не имущественный спор. Это предупреждение.

— Поэтому я и пришёл, госпожа. — Эпафродит поклонился ещё ниже. — Вы единственная, к кому покойный хотел обратиться. И вы единственная, кто может найти правду, не спрашивая разрешения у вольноотпущенников.

«Вольноотпущенников» — сказано было с такой интонацией, что Вика сразу поняла: речь о Нарциссе и Паланте, теневых хозяевах дворца, которых Мессалина вчера — то есть недавно, в прологе её жизни — успела оскорбить через стражника.

Она усмехнулась. Криво, по-своему.

— Хорошо, Эпафродит. Вот что я сделаю. Я приму это дело. — Она подняла палец, останавливая его радостный поклон. — Но сначала я должна кое-что сделать. У меня была... бессонная ночь. Голова тяжёлая. Мне нужно побыть одной.

Грек понял. Поклонился и вышел, пятясь.

Вика подождала, пока закроется дверь, и повернулась к рабыням.

— Выйдите. Обе. И чтобы никто не входил, пока я не позову.

Когда дверь за ними закрылась, Вика опустилась на колени у ложа — там, где, по словам голоса из пролога, под третьей плитой лежал дневник Мессалины.

Она постучала по полу. Мрамор. Одинаковые плиты. Третья от ложа — вот эта.

Она надавила. Ничего. Постучала сильнее. Потом присмотрелась: одна из плит была чуть темнее остальных, и по краю шла едва заметная щель. Вика подцепила ногтем — не вышло. Она огляделась, нашла на столике бронзовую палочку для завивки волос, поддела край. Плита приподнялась с тихим скрежетом.

Под ней лежал свёрток: кожаный, перетянутый ремнём. Вика достала его, села на ложе и развязала ремень.

Внутри было то, что обещал голос: объёмистая тетрадь в деревянной обложке, исписанная плотным, мелким почерком — и не латиницей. Греческим. Вика удивилась, но руки сами разобрали: Мессалина, дочь знатного рода, писала по-гречески, как все образованные римлянки. А ещё в свёртке лежали: три восковые таблички, туго запечатанные; золотой перстень с

сапфиром — тот самый, родовой, «который помнит ещё Августа»; и тонкий свиток папируса, перехваченный чёрной нитью.

Вика развернула дневник. На первой странице — тем же киноварным почерком, что и послание в её московском кабинете:

«Если ты читаешь это — значит, я мертва, а ты жива, и мы обе в одном теле. Не благодари. Это я должна тебе спасибо, что ты вообще пришла. Записи ниже — мои. Всё, что я знаю о людях, деньгах и тайнах этого дворца. Пользуйся. Но помни: у всего, что ты оттуда возьмёшь, есть цена, и платят её не всегда деньгами».

Дальше шли страницы — сотни страниц. Имена. Долги. Любовники. Заговоры. Кто кому должен, кто кого ненавидит, кто кого боится. Вика листала жадно, ловя себя на том, что читает, как читают юридическое досье: ищу связи, ищу мотивы, ищу слабые места.

На одной из страниц она остановилась. Запись была сделана за месяц до смерти:

«Гай Силий. Если я умру до того, как он умрёт, — это он. Проклятие. Любовь. Смерть. Не смей его презирать: он единственный, кто никогда не лгал мне. Даже когда должен был»

Вика перечитала трижды. В груди снова шевельнулась чужая боль — та, что вчера обожалась при известии о казни. Она захлопнула дневник.

— Так, — сказала она вслух. — Так, так, так. Сначала — дело. Потом — чувства. Чувства — это то, что убивает адвокатов. Я это знаю.

Она спрятала дневник обратно под плиту, задвинула её на место и потёрла переносицу. В голове уже складывался план.

«Дело о наследстве Авла Секстия» — так она обозвала его мысленно. Факты: богатый всадник, внезапная смерть, завещание в пользу цирковой танцовщицы, оспоренное вдовой, и убитый гонец, который вёз императрице что-то важное.

«Что он ей вёз? — подумала Вика. — Если бы это было просто завещание — он бы отправил его по почте, как все. Он отправил гонца лично, к императрице. Значит, в этом деле есть что-то, что не должно попасть в чужие руки».

Она встала, одёрнула столу и направилась к двери. По дороге задержалась у зеркала: на неё смотрела Мессалина — чёрные волосы, тёмные глаза, полные губы, покрашенные по моде. Вика подмигнула отражению.

— Работаем, — сказала она. — Сначала к императору — пусть считает, что жена скучает. Потом — в город.

Клавдий ждал её в зале для аудиенций — просторной комнате, где, несмотря на утро, уже горели факелы. Император сидел на курульном кресле, похожий на воробья, которого зачем-то нарядили в пурпур: узкие плечи, сутулая спина, голова, чуть склонённая набок, как у человека, который вечно прислушивается — то ли к голосам, то ли к собственным мыслям. Рядом с ним стоял вольноотпущенник — сухой, бритый, с лицом, лишённым всякого выражения, — Вика сразу поняла, что это и есть Нарцисс.

— Валерия! — Клавдий вскочил, расплылся в улыбке; глаза его — большие, навывкате, как у совы — засветились радостью. — А я боялся, ты ещё спишь. Подойди, подойди, дай посмотреть на тебя. Ты сегодня... — он сделал неопределённый жест, — ...сияешь.

Вика подошла, позволила себя обнять, поцеловала мужа в щёку — нежно, как положено, — и внутренне отметила, что Клавдий пахнет вином, ладаном и чем-то ещё, смутно сладким, как будто он уже успел позавтракать чем-то очень калорийным.

— Ты скучала? — спросил он, заглядывая ей в глаза.

— Ужасно, — ответила Вика. — Остия — далеко. Я считала дни.

Клавдий расцвёл. За его спиной Вика краем глаза заметила, как Нарцисс едва заметно скривил губы — как человек, который давно разучился верить хоть одному слову императрицы, но вынужден молчать.

— А у меня новость! — Клавдий хлопнул в ладоши. — Сенат постановил: в честь благополучного возвращения — большие игры в честь Марса. Двадцать пар гладиаторов! Травля медведей! И — самое главное — морское сражение на Фучине, если боги дадут погоду. Ты будешь?

— Буду, — сказала Вика. — Я бы ни за что не пропустила, как ты топишь настоящие корабли на настоящем озере. — Она улыбнулась. — Только, милый, у меня к тебе одна просьба.

— Говори, говори! — Клавдий готов был выполнить любую просьбу жены, лишь бы она улыбалась.

— В городе умер один человек. Авл Секстий, всадник из Кампании. Оставил завещание, которое оспаривает вдова. Обычное дело, скучное, но меня просили взглянуть. Позволь мне уладить это без лишнего шума — по-семейному, без суда.

Клавдий махнул рукой — делом, недостойным императорского внимания.

— Забирай, забирай. Ты же у меня умница. Только, — он понизил голос, — ты не забыла, что вечером у нас пир в честь Вителлия? Он привёз из Сирии таких рабынь... — Клавдий мечтательно закатил глаза. — Ты просто обязана быть. Он потом будет полгода рассказывать всем, что императрица не пришла.

— Буду, — пообещала Вика. — Обязательно.

Она уже повернулась, чтобы уйти, когда Нарцисс шагнул вперёд.

— Госпожа, — сказал он ровным, как доска, голосом. — Разрешите слово. Об Авле Секстии я осведомлён. Недостойный человек. Вёл дела с сомнительными личностями. Наши люди говорят, что завещание его — чистая воды фальшивка, составленная этой... танцовщицей. Не стоит вам, госпожа, марать руки. Позвольте, я передам дело в преторианский суд — там разберутся быстро и, — он сделал паузу, — тихо.

Вика остановилась. Медленно обернулась. Посмотрела на Нарцисса — и впервые по настоящему его увидела.

Сухой, бритый, с лицом, лишённым выражения. Вольноотпущенник, который стал тенью императора. Человек, который, по всем хроникам, в конце концов погубит Мессалину — кажется убить её, когда придёт час.

«Значит, ты уже сейчас наводишь справки о делах, за которые я взялась, — подумала Вика. — Интересно, просто ли ты любопытен — или ты в этом деле замешан?»

— Благодарю за заботу, Нарцисс, — сказала она вслух, сладко, как мёд. — Но я справлюсь сама. У императрицы должна быть голова на плечах, а не только диадема. Не правда ли, муж мой?

Клавдий, который уже потерял нить разговора и смотрел на рабыню, приносящую вино, поднял голову.

— Что? А, да, конечно. Валерия у нас умница, Нарцисс, не спорь. — Он махнул рукой. — Пусть делает, что хочет.

Нарцисс поклонился — низко, но Вика успела заметить, как на секунду в его глазах мелькнуло что-то холодное и оценивающее, как у человека, который записывает должника в свою книгу.

«Я запомнила, — подумала Вика. — И ты запомни, что я запомнила. Пока квиты».

Она вышла из зала, сопровождаемая двумя рабынями, и направилась к выходу из дворца — туда, где её ждал Эпафродит с носилками.

По дороге она думала о том, что узнала из дневника. Дело о наследстве было лишь верхушкой. Под ним лежало что-то поглубже: танцовщица по имени Вибия Пасса, умерший всадник, убитый гонец и вольноотпущенник, который слишком уж быстро предложил «уладить тихо».

«В любом деле есть три вещи, — сказала она себе формулой, которую твердила всем стажёрам. — Деньги. Страсть. Власть. Найди, где они пересекаются — и найдёшь убийцу».

Носилки качнулись, понесли её вниз, к Римскому форуму, по улицам, пахнувшим хлебом, навозом и мраморной пылью. Город гудел, жил, торговал — чужой, древний, прекрасный и смертельно опасный.

Вика откинула полог и выглянула наружу. Улицы были полны народу: торговцы, тащившие корзины с рыбой; носильщики, ругающиеся сквозь зубы; матроны в пёстрых столах, сопровождаемые рабынями; патриции в белых тогах, которые двигались с важностью, приберегаемой для тех, кто знает, что его все видят. Всё это — под крики уличных торговцев, под звон медяков, под запах жареных каштанов, под речитатив какого-то философа, расположившегося на ступенях храма и объяснявшего прохожим, что все они — пыль и тлен, но что пыль эта, впрочем, имеет право на завтрак.

«Боже, — подумала Вика. — Я в древнем Риме. Настоящем. Не в кино, не в книжке. И меня зовут Мессалина».

Она поймала себя на том, что улыбается — неловко, по-детски, как улыбалась, когда впервые выиграла дело. Следом одёрнула себя: это не экскурсия. Это работа. Хуже того — работа, в которой проигрыш стоит жизни.

Носилки свернули в кривой переулок. Эпафродит шёл рядом, держась за ручку носилок, и негромко докладывал:

— Дом Вибии Пассы — на Субуре, госпожа. Место шумное, но сама она живёт скромно: снимает комнату над пекарней. Танцует в цирке Фламиния по праздникам, в будни — зарабатывает на свадьбах богатых плебеев. Говорят, — он понизил голос, — что Авл Секстий влюбился в неё год назад, когда она танцевала на пиру у его соседа. Он был вдовцом, старым, богатым и одиноким. Такие влюбляются последний раз в жизни — и уже не одумываются.

— А вдова? — спросила Вика. — Что за женщина?

— Вдова — Уммидия Квадратилла, из рода Уммидиев. Женщина почтенная, лет пятидесяти. У неё от Авла двое взрослых сыновей. Она утверждает, что завещание — подделка, потому что Авл за неделю до смерти якобы говорил друзьям, что всё оставит детям.

— Якобы, — повторила Вика. — «Якобы» — моё любимое слово. Оно означает, что свидетели куплены, а факты отсутствуют.

Они остановились перед трёхэтажным домом, грязным, обшарпанным, с облупившейся штукатуркой — над входом висела вывеска пекарни и пахло тёплым хлебом. Вика выбралась из носилок, отряхнула столу, которая здесь, на Субуре, выглядела как придворное платье на рынке — вызывающе, нелепо и опасно.

— Эпафродит, — сказала она, — жди меня здесь. Если через час меня не будет — беги во дворец и скажи императору, что его жену убили на Субуре. Он, конечно, расстроится. Ненадолго, но расстроится.

Грек открыл было рот, но Вика уже поднималась по лестнице.

Дверь ей открыла сама Вибия Пасса — и Вика на секунду забыла, зачем пришла.

Девушке было лет двадцать. Волосы — пепельные, собранные в пучок, из которого выбивались пряди; лицо — смуглое, с высокими скулами и огромными серыми глазами; фигура — гибкая, как ива, с длинными ногами и тонкой талией танцовщицы. Она была в дешёвой тунике, без украшений, но двигалась так, что становилось ясно: дешёвая туника — случайность, а не природа.

Увидев императрицу в пороге своего убогого жилища, Вибия побледнела, прижала руки к груди и присела в низком поклоне, коснувшись лбом колен.

— Госпожа! Я... я не ждала...

— Встань, — сказала Вика. — Я не кусаюсь. Пока.

Она вошла. Комната за пекарней была убогой, но опрятной: узкая кровать, сундук, очаг, стол с глиняной посудой. На стене висели две маски — театральная, плачущая, и цирковая, с колокольчиками. На сундуке лежал свиток папируса, перевязанный красной лентой.

— Это оно? — спросила Вика, кивая на свиток.

Вибия подошла, взяла свиток, протянула ей. Пальцы девушки дрожали.

— Он мне его дал сам, госпожа. За день до смерти. Сказал: «Спрячь. Это твоё наследство. Больше я ничего не успел». А я... я не хотела его смерти. Клянусь всеми богами. Я его любила. Он был добрый. Старый, но добрый.

Вика села на край кровати — единственное место, куда можно было сесть, — и развернула свиток. Почерк был неровный, старческий, с дрожью в нажиме — но это был явно не поддельный дрожащий почерк: так пишут люди, у которых уже отказали руки. Завещание было коротким, без юридических выкрутасов — в нём Авл Секстий завещал Вибии Пассе дом в Кампании, деньги, достаточные, чтобы жить безбедно, и — что самое странное — «семейный архив, хранящийся в сундуке с железными углами в моём кампанийском имении».

Вика перечитала эту строчку дважды.

— Железные углы, — пробормотала она. — Зачем завещать кому-то архив, если не хочешь, чтобы его нашёл кто-то ещё? Значит, в этом архиве есть что-то, что кто-то очень хотел бы уничтожить. Вопрос — что?

— Госпожа... — Вибия замялась. — Я не знаю, что это значит. Я только знаю, что в последний месяц он стал бояться. Он запирал двери, не выходил по ночам, разговаривал сам с собой. Один раз я слышала, как он шептал во сне: «Они не должны найти папирусы. Они их сожгут».

Вика подняла голову.

— Папирусы? — переспросила она. — Он так и сказал — папирусы?

— Да, госпожа.

Вика медленно свернула свиток. Внутри неё, на периферии сознания, что-то щёлкнуло — как защёлка на папке, в которую ложится новое дело. Гонец, убитый на Тибре. Вдовец, боявшийся собственной тени. «Папирусы», которые «они» хотят сжечь. И императрица, к которой он хотел обратиться лично.

— Вибия, — сказала она, — ты хорошо знаешь, кто был другом Авла Секстия?

Девушка подумала.

— Он был нелюдим. Но последние месяцы к нему часто приходил один человек — грек, старый, с лицом в оспинах. Они запирались в кабинете, и я слышала, как они спорили. Грек кричал: «Это безумие! Тебя убьют!» А Авл отвечал: «Если я не сделаю этого — убьют нас всех».

Вика встала.

— Спасибо, Вибия. Ты помогла мне больше, чем знаешь. — Она остановилась в дверях, обернулась. — Слушай меня внимательно. Это дело пахнет так, что даже я, с моим носом, не могу сказать, чем именно. Не выходи из дома без нужды. Не отдавай этот свиток никому — даже если тебе скажут, что пришли от меня. Если тебя будут спрашивать — ты ничего не знаешь. Поняла?

Вибия кивнула, глядя на неё испуганными глазами.

— И ещё, — добавила Вика, — ты умеешь делать что-нибудь, кроме танца?

— Я... я умею читать и писать. Меня научили в доме, где я росла.

— Отлично. Читать и писать — это уже две профессии. Это больше, чем у половины сената. Держись.

Она вышла, хлопнув дверью, и спустилась по лестнице — туда, где её ждал Эпафродит.

— Госпожа, — сказал грек, — я слышал отсюда, как вы разговаривали. Про папирусы. Это плохо, госпожа. Очень плохо.

— Почему «плохо»? — спросила Вика. — Знание — это сила.

— Знание — это то, за что убивают, госпожа. Особенно в Риме. Особенно когда знание касается... — он запнулся.

— Чего?

Эпафродит оглянулся по сторонам, понизил голос до шёпота:

— Когда знание касается госпожи Агриппины.

Вика замерла.

Агриппина. Младшая. Сестра Калигулы, мать Нерона, жена — нет, уже вдова — Гнея Домиция Агенобарба. Женщина, которую Мессалина в прологе назвала «сукой, которая прикидывается подругой». Женщина, которая, по всем хроникам, займёт место Мессалины после её смерти и убьёт Клавдия отравленными грибами.

— Почему ты связал папирусы Авла Секстия с Агриппиной? — спросила Вика, ровно, без интонаций.

— Потому что, госпожа, Авл Секстий был управляющим имениями покойного Гнея Домиция. Первого мужа госпожи Агриппины. Если он вёл какие-то записи, касающиеся того дома... госпожа Агриппина очень не любит, когда кто-то копается в делах её покойного мужа. Говорят, там было... — он снова замялся.

— Что там было? Договаривай.

— Говорят, там было что-то такое, за что в своё время убили не одного человека. Ещё при Тиберии. И что об этом знал только Авл Секстий. И что он держал это... как заложника. Чтобы его не тронули.

Вика стояла посреди Субуры, среди шума, грязи и запаха хлеба, и чувствовала, как у неё под шёлковой столой холодеет спина.

— Эпафродит, — сказала она наконец, — вези меня обратно во дворец. И найди мне человека, который умеет молчать и смотреть. У меня будет для него работа.

Грек поклонился.

— Есть такой, госпожа. Немой. Бывший гладиатор. Зовут Клеон. Он умеет видеть всё и не говорить ничего — потому что говорить не может.

— Подходит, — сказала Вика. — Завтра на рассвете — пусть ждёт меня у ворот.

Носилки тронулись. Позади осталась

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.